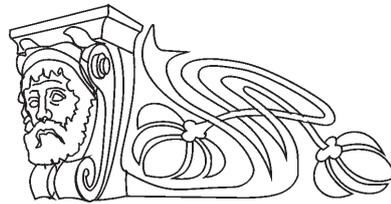

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2024. Т. 13, вып. 1 (49). С. 60–70
Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology, 2024, vol. 13, iss.1 (49), pp. 60–70
<https://akmepsy.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2024-13-1-60-70>, EDN: YRHDEG

Научная статья
УДК 159.9

Особенности представления о старении у мужчин и женщин в периоды средней и поздней взрослости

К. М. Крупина, М. Д. Петраш , Д. И. Голубицкая, О. Ю. Стрижицкая

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 6

Крупина Кристина Михайловна, аспирант, инженер-исследователь кафедры психологии развития и дифференциальной психологии, st096533@student.spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2963-611X>.

Петраш Марина Дмитриевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития и дифференциальной психологии, m.petrash@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4542-7289>

Голубицкая Дарья Игоревна, аспирант, инженер-исследователь кафедры психологии развития и дифференциальной психологии, golubitskaya.dariya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2903-5031>

Стрижицкая Ольга Юрьевна, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии развития и дифференциальной психологии, o.strizhitskaya@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7141-162X>

Аннотация. *Актуальность* исследования обусловлена необходимостью научного обоснования и разработки методов улучшения качества жизни в пожилом возрасте. *Цель:* изучение особенностей представления о старении у мужчин и женщин в периоды средней и поздней взрослости. *Гипотеза:* особенности восприятия старения у мужчин и женщин проявляются в представлении о каузальной роли старения в контексте изменений, происходящих со здоровьем, а также в эмоциональном отношении к старению. Половозрастная специфика проявляется в части позитивных и отрицательных последствий старения, а также в изменениях, обусловленных старением, и детерминации причин старения. *Участники:* 217 респондентов в возрасте 30–68 лет ($n_{\text{муж}} = 57$; $n_{\text{жен}} = 123$), проживающих в разных регионах Российской Федерации. Выборка представлена 4 возрастными группами: от 30 до 45 лет ($n = 37$ чел.); от 46 до 55 лет ($n = 51$); от 56 до 59 лет ($n = 52$); от 60 до 68 лет ($n = 77$). *Методы (инструменты):* для оценки представления о старении применена методика «Aging perception questionnaire» («Восприятие старения») (E. Sexton, V. L. King-Kallimanis, K. Morgan, H. McGee в адаптации К. М. Крупиной, М. Д. Петраш, Д. И. Голубицкой, О. Ю. Стрижицкой). *Результаты:* выявлены значимые различия в выраженности параметра «детерминация причин старения» с большей представленностью в выборке мужчин. Обнаружено влияние половозрастного фактора на параметр «детерминация причин старения». *Основные выводы.* Каузальная роль старения для собственной жизни проявляется в большей степени у мужчин, нежели у женщин. Специфика представления о старении для мужской и женской подвыборок проявляется в разном эмоциональном отношении к старению, возможности контроля собственной жизни и последствиях старения, а также в детерминации причин старения. *Практическая значимость.* Данные могут быть реализованы в практике психологического консультирования с целью формирования позитивного восприятия старения. Учет половозрастной специфики представлений о старении может способствовать конструированию продуктивной старости и последующему улучшению качества жизни в пожилом возрасте.

Ключевые слова: представление о старении, качество жизни, взрослость, восприятие старения, эмоциональное отношение к старению, возрастные стереотипы, детерминация причин старения

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ) (проект № 22-28-00869 «Футуризация старения как ресурс сохранения качества жизни в пожилом возрасте»).

Информация о вкладе каждого автора: К. М. Крупина – сбор эмпирических данных, написание текста; М. Д. Петраш – методология исследования, концепция и дизайн исследования, анализ полученных данных; Д. И. Голубицкая – сбор эмпирических данных; О. Ю. Стрижицкая – методология исследования, концепция и дизайн исследования.

Для цитирования: Крупина К. М., Петраш М. Д., Голубицкая Д. И., Стрижицкая О. Ю. Особенности представления о старении у мужчин и женщин в периоды средней и поздней взрослости // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2024. Т. 13, вып. 1 (49). С. 60–70. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2024-13-1-60-70>, EDN: YRHDEG

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Peculiarities of perceiving aging by men and women during the middle and late adulthood periods

К. М. Krupina, М. D. Petrash , Д. I. Golubitskaya, О. Yu. Strizhitskaya

St. Petersburg State University, 6 Makarov Emb., St. Petersburg 199034, Russia

Kristina M. Krupina, st096533@student.spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2963-611X>

Marina D. Petrash, m.petrash@spbu.ru, <http://orcid.org/0000-0003-4542-7289>

Daria I. Golubitskaya, golubitskaya.dariya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2903-5031>

Olga Yu. Strizhitskaya, o.strizhitskaya@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7141-162X>

Abstract. The *relevance* of the study is determined by the necessity for scientific substantiation and development of methods aimed at improving the quality of life in the old age. The research *purpose* is to study the peculiarities of the perception of aging by men and women during middle and late adulthood. The study *hypothesizes* that peculiarities of the age perception by men and women are manifested in the idea of the causal role of aging in the context of changes in health, as well as in the emotional attitude towards aging. The gender and age specificity manifests itself in terms of positive and negative effects of aging, as well as in the changes caused by aging and the determination of its causes. *Participants:* 217 respondents aged 30-68 ($n_{\text{male}} = 57$; $n_{\text{female}} = 123$) living in different regions of the Russian Federation. The sample is represented by 4 age groups: from 30 to 45 years old ($n = 37$); from 46 to 55 years old ($n = 51$); from 56 to 59 years old ($n = 52$); from 60 to 68 years old ($n = 77$). *Methods (tools):* to assess the perception of aging, the "Aging perception questionnaire" was used (E. Sexton, B. L. King-Kallimanis, K. Morgan, H. McGee as adapted by K. M. Krupina, M. D. Petrash, D. I. Golubitskaya, O. Y. Strizhitskaya). *Results:* the research has revealed significant differences in the manifestation degree of the parameter 'determination of the causes of aging' with its greater representation in the sample of men. The study has found the influence of the gender and age factor on the parameter 'determination of the causes of aging'. *Main conclusions:* the causal role of aging for one's own life is manifested to a greater extent in men rather than in women. The peculiarities of perceiving aging for male and female subsamples are manifested in different emotional attitudes towards aging, in the possibility of controlling one's own life and the consequences of aging, as well as in determining the causes of aging. *Practical significance:* the data obtained can be implemented in psychological counseling in order to form a positive perception of aging. Taking into account the gender and age specifics of the perceiving aging can contribute to the construction of the productive old age stage and the subsequent improvement of the quality of life in old age.

Keywords: the perception of aging, quality of life, adulthood, perceiving aging, emotional attitude to aging, age stereotypes, determination of the causes of aging.

Information on the authors' contribution. Kristina M. Krupina collected the empirical data, wrote the text; Marina D. Petrash worked out the research methodology, the concept and design of the study, analyzed the data obtained; Daria I. Golubitskaya collected the empirical data; Olga Yu. Strizhitskaya came up with the research methodology, the concept and design of the study.

Acknowledgements and funding. The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF) (project No. 22-28-00869 "Futurization of aging as a resource of maintaining quality of life in aging").

For citation: Krupina K. M., Petrash M. D., Golubitskaya D. I., Strizhitskaya O. Yu. Peculiarities of perceiving aging by men and women during the middle and late adulthood periods. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2024, vol. 13, iss. 1 (49), pp. 60–70 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2024-13-1-60-70>, EDN: YRHDEG

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Современная демографическая ситуация характеризуется тенденцией к увеличению продолжительности жизни населения во всем мире. В связи с этим необходима разработка способов улучшения качества жизни человека в пожилом возрасте. Исследования, проведенные зарубежными учеными В. R. Levy, L. M. Myers [1], I. Ingrand et al. [2], Y. Liu et al. [3], M. C. P. de Paula Couto et al. [4], показывают, что качество жизни и здоровье в пожилом возрасте могут быть обусловлены собственно восприятием старения, т. е., как считают М. Вaker et al., тем, как сам человек воспринимает свой личный опыт старения [5]. Согласно исследованиям А. Slotman et al. [6], С. Tully-Wilson et al. [7], позитивное восприятие старения связано с физическим и психическим здоровьем, большей продолжительностью жизни. Негативное восприятие связывают с когнитивными показателями пожилых людей, самооценкой, уровнем субъективного благополучия, восприятием контроля собственной жизни. Подтверждением тому являются данные

исследований М. Barker et al. [5], А. Slotman et al. [6], Е. Sexton et al. [8]; J. M. Cramm, А. P. Nieboer [9], Ch. Jing et al. [10].

Наше исследование посвящено изучению представления о старении, что подразумевает, согласно Н. Swift, В. Steeden [11], размышления о нем, возникающие в результате индивидуального опыта и социального взаимодействия, формирующие определенный образ старости, в том числе убеждения и ожидания от жизни в пожилом возрасте в различных ее аспектах. В работах М. Diehl et al. [12, 13] подчеркивается, что размышления о собственном старении носят процессуальный характер. В связи с этим изучение различных особенностей представления о старении и формирование более позитивного взгляда на пожилой возраст является актуальным для периода взрослости и может способствовать конструированию продуктивной старости, что отмечается в исследовании О. Ю. Стрижицкой и М. Д. Петраш [14]. В частности, это может способствовать более позитивному восприятию личного опыта старения в пожилом возрасте.

Исследования В. R. Levy et al. [15], M. Diehl, H. Wahl [16], J. D. Henry et al. [17], D. A. Robertson et al. [18], A. E. Kornadt [19], M. Deshayes et al. [20], S. J. Barber [21] позволяют нам предположить, что представление о старении в зависимости от пола может иметь свои характерные особенности. Например, известно, что возрастные стереотипы способны оказывать влияние на восприятие собственного старения и способности пожилых людей. При этом характер стереотипов и ожиданий, особенности их восприятия в зависимости от пола, вероятно, могут иметь разную специфику, поскольку, согласно А. Е. Kornadt, K. Rothermund [22], у мужчин и женщин, в том числе пожилых, разные социальные роли.

Работа К. Wang, D. Gu [23], посвященная изучению связи вовлеченности в социальные сети и восприятия старения, показала, что погружение в социальные сети способствует позитивному восприятию старения исключительно у мужчин, а отрицательные последствия негативного восприятия старения в случае использования социальных сетей выявлены только у женщин. Таким образом, авторы показали, что факторы, способствующие формированию восприятия старения, могут включаться в механизм по-разному в зависимости от пола.

Изучение данной проблематики отечественными учеными показывает, что сам по себе процесс биологического старения в зависимости от половой принадлежности сопровождается определенными особенностями. Исследователи описывают различия в части темпа старения [24], приходят к выводу, что разные темпы и механизмы развития атеросклероза тесно связаны с процессом старения [25]. Это тоже вполне может играть роль в формировании взглядов на собственное старение, т. е. различных представлений, согласно M. Baker et al. [5], например в части его связи со здоровьем, адаптации к физическим изменениям.

Вопрос о восприятии старения в зависимости от пола остается открытым. В настоящее время исследования, посвященные изучению особенностей восприятия старения мужчинами и женщинами, достаточно немногочисленны. В связи с этим целью исследования, представленного в статье, является изучение особенностей представления о старении у мужчин и женщин в периоды средней и поздней зрелости.

Предположительно особенности восприятия старения у мужчин и женщин проявляются в представлении о каузальной роли старения в контексте изменений, происходящих со здоровьем, а также в эмоциональном отношении

к старению. Половозрастная специфика проявляется в части позитивных и отрицательных последствий старения, а также в изменениях, обусловленных старением, и детерминации причин старения.

Материалы

Участники. В исследовании приняли участие 217 респондентов в возрасте от 30 до 68 лет ($n_{\text{муж}} = 57$; $n_{\text{жен}} = 123$), проживающих в разных регионах России. Выборка разделена на 4 возрастные группы: от 30 до 45 лет (37 чел.; 31,5% муж., 64,9% жен.); от 46 до 55 лет (51 чел.; 15,7% муж., 84,3% жен.); от 56 до 59 лет (52 чел.; 28,8% муж., 71,2% жен.); от 60 до 68 лет (77 чел.; 27,3% муж., 72,7% жен.).

Методики. Для изучения особенностей представления о старении использован опросник «Aging perception questionnaire» (Восприятие старения) (E. Sexton, B. L. King-Kallimanis, K. Morgan, H. McGee в адаптации К. М. Крупиной, М. Д. Петраш, Д. И. Голубицкой, О. Ю. Стрижицкой) [8]. Опросник состоит из двух блоков. Первый блок, направленный на оценку восприятия старения, включает 27 утверждений, которые сгруппированы в следующие шкалы:

«Эмоциональное представление» – предназначена для определения выраженности негативных эмоций в отношении старения;

«Положительный контроль» – для изучения убежденности в возможности контроля собственной жизни в пожилом возрасте;

«Положительные последствия» и «отрицательные последствия» – для определения направленности убеждений о влиянии старения на разные сферы жизни.

Респондентам предлагалось оценить утверждения, характеризующие взгляды на старение, используя 5-балльную шкалу, где 1 – «полностью не согласен», 2 – «скорее не согласен», 3 – «затрудняюсь с ответом», 4 – «скорее согласен», 5 – «полностью согласен». Оценка баллов по каждой шкале осуществляется через подсчет среднего значения, соответствующего определенной шкале пунктов. Наиболее высокие баллы по каждой шкале указывают на большую выраженность оцениваемой характеристики (максимальный балл – 5).

Проверка надежности шкал русскоязычной версии опросника показала, что коэффициент надежности α -Кронбаха является приемлемым на общей случайной выборке, а также в подвыборках мужчин и женщин. Значение α -Кронбаха на русскоязычной выборке по шкале «Эмо-

циональное представление» составляет 0,733, по шкале «Положительный контроль» 0,795, по шкалам «Положительные последствия» и «Отрицательные последствия» – 0,763 и 0,812 соответственно.

Второй блок опросника направлен на оценку представления об изменениях, связанных с психическим и физическим здоровьем. Данный блок опросника включает шкалы «Проявления старения» (позволяет определить, осознает ли человек связь между старением и изменениями в состоянии здоровья), «Изменения, обусловленные старением» (для выявления обусловленности того или иного изменения состояния здоровья исключительно фактором старения) и композитную переменную «Детерминация причин старения» (определяет роль старения в изменениях, связанных со здоровьем).

Респондентам был предложен список с перечнем негативных изменений, связанных со здоровьем (всего 17), которые люди могут испытывать. Например, появляются проблемы с весом, со сном, со спиной, трудности с передвижением, боль в суставах и т. д. Сначала респонденты отвечали, характерны ли данные проблемы при старении (ответ да / нет), а далее, используя этот же перечень негативных изменений, связанных со здоровьем, должны были выразить свое согласие / несогласие (ответ да / нет) относительно того, связаны ли изменения исключительно со старением или могут быть обусловлены другими причинами (например, образом жизни). Положительный ответ оценивался в 1 балл, отрицательный – 0 баллов. Сумма ответов первой части второго блока опросника образует параметр «проявления старения», сумма второй – «изменения, обусловленные старением». По каждому параметру респондент мог набрать минимальное количество баллов 0, максимальное – 17. «Детерминация причин старения» – показатель, который рассчитывается в результате соотношения параметров «Проявления старения» и «Изменения, обусловленные старением». Значение композитной переменной «Детерминация причин старения», превышающее 1,0, свидетельствует о том, что все изменения объясняются исключительно старением, ниже 1,0 – помимо старения возможны и другие причины изменений. Проверка надежности параметров «Проявления старения» и «Изменения, обусловленные старением» русскоязычной версии опросника показала, что коэффициент надежности α -Кронбаха является приемлемым и составляет 0,899 и 0,904 соответственно.

Методы анализа данных. Обработка полученных данных осуществлялась посредством статистического пакета программ SPSS 23, Excel. Методы математической статистики: методы описательной статистики (отображаемой в средних значениях, стандартных отклонениях, стандартизированных значениях переменных – z-оценках); тест Колмогорова – Смирнова для проверки формы распределения для независимых выборок (двухвыборочный критерий Колмогорова – Смирнова); сравнительный анализ (t-критерий Стьюдента), многофакторный дисперсионный анализ MANOVA.

Процедура исследования утверждена Этическим комитетом Санкт-Петербургского психологического общества (протокол № 15, 22.05.2022). Участники исследования давали информированное согласие, после чего заполняли анкеты лично или с использованием Google-формы.

Результаты и их обсуждение

С целью корректности использования сравнительного анализа по выраженности параметров представления о старении в мужской и женской подвыборках с помощью t-критерия Стьюдента был проведен тест Колмогорова – Смирнова для проверки формы распределения. В качестве критериев наличия нормального распределения были выбраны изучаемые параметры восприятия старения. Результаты проверки представлены в табл. 1.

Результаты двухвыборочного теста Колмогорова – Смирнова (значение и уровень значимости критерия) указывают на то, что распределение переменных подчиняется нормальному распределению ($p > 0,05$).

С помощью сравнительного анализа параметров представления о старении у мужчин и женщин выявлены статистически значимые различия по переменным «положительные последствия» с большей выраженностью у женщин и «детерминация причин старения» с большей выраженностью в группе мужчин (табл. 2).

Результаты, представленные в табл. 2, могут свидетельствовать о том, что мужчинам в меньшей степени свойственна убежденность в позитивных последствиях старения для разных сфер собственной жизни и в большей степени – склонность объяснять изменения в состоянии здоровья именно процессом старения, на что указывает параметр «детерминация причин старения». Другими словами, каузальную роль старения в собственной жизни мужчины склонны ощущать

Таблица 1 / Table 1

**Описательные статистики двухвыборочного критерия Колмогорова – Смирнова
(статистические критерии^а)
Descriptive statistics of the Kolmogorov – Smirnov two-sample criterion (statistical criteria^a)**

Описательные статистики		Параметры представления о старении					
		ЭП	ПК	ПП	ОП	ПС	ИОС
Наибольшие экстремальные расхождения	Абсолютные	0,059	0,192	0,156	0,120	0,134	0,080
	Положительные	0,047	0,007	0,006	0,120	0,000	0,062
	Отрицательные	-0,059	-0,192	-0,156	-0,010	-0,134	-0,080
z Колмогорова – Смирнова		0,380	1,246	1,014	0,776	0,872	0,520
Асимптотическая значимость (2-сторонняя)		0,999	0,090	0,255	0,583	0,433	0,950

Примечание. ^а – группирующая переменная «пол». Условные обозначения: ЭП – эмоциональное представление (негативное); ПК – положительный контроль; ПП – положительные последствия; ОП – отрицательные последствия; ПС – проявления старения; ИОС – изменения, обусловленные старением.

Note. ^a – the grouping variable “gender”. Symbols: EP (ЭП) – Emotional perception (negative); PK (ПК) – Positive control; PP (ПП) – Positive consequences; OP (ОП) – Negative consequences; PS (ПС) – Manifestations of aging; IOS (ИОС) – Changes caused by aging.

Таблица 2 / Table 2

**Описательные статистики и данные сравнительного анализа (t-критерий Стьюдента)
параметров представления о старении у мужчин (n = 57) и женщин (n = 123)
Descriptive statistics and comparative analysis data (Student’s t-test) of the parameters
of the perception of aging by men (n = 57) and women (n = 123)**

Параметры представления о старении	Мужчины	Женщины	t _{кр}	p
	М (SD)	М (SD)		
Эмоциональное представление (негативное)	3,0 (0,70)	3,02 (0,68)	-0,265	0,792
Положительный контроль	3,84 (0,64)	3,98 (0,64)	-1,462	0,147
Положительные последствия	3,32 (0,83)	3,59 (0,80)	-2,113	0,037
Отрицательные последствия	3,54 (0,65)	3,38 (0,69)	1,537	0,127
Проявления старения	8,91 (5,13)	10,41 (4,75)	-1,935	0,056
Изменения, обусловленные старением	6,42 (4,72)	6,68 (5,2)	-0,359	0,721
Детерминация причин старения	1,17 (2,3)	0,67 (0,72)	2,470	0,014

в большей мере, чем женщины. Для тестирования выявленного эффекта мы использовали метод Bootstrap для 1000 образцов, и выявленная тенденция подтвердилась.

Специфика представления о старении у мужчин и женщин наглядно видна в их профилях на рис. 1.

В соответствии с полученными профилями можно отметить, что у мужчин отсутствуют негативные эмоции в отношении старения. Они также более убеждены в том, что контролировать жизнь в пожилом возрасте затруднительно, и в сравнении с женщинами в большей степени склонны видеть отрицательные последствия старения для разных сфер жизни. Мужчины отрицают связь между изменением здоровья и старением, при этом уровень детерминации причин старения высок. Другими словами, можно

допустить, что в случае возникновения изменений, касающихся здоровья, мужчины склонны выделять в качестве причинной обусловленности этих изменений именно фактор старения. По всей видимости, для мужчин характерно неприятие собственного старения: происходящие изменения они отрицают, пожилой возраст воспринимают как период, имеющий негативные последствия для них самих и разных сфер их жизни.

У женщин отмечается тенденция к большей выраженности негативных эмоциональных реакций в отношении старения. Наблюдается убежденность в том, что контроль в пожилом возрасте возможен, они склонны видеть преимущественно положительные последствия старения для собственной жизни. В отличие от мужчин женщины связывают некоторые изменения в состоянии здоровья со старением

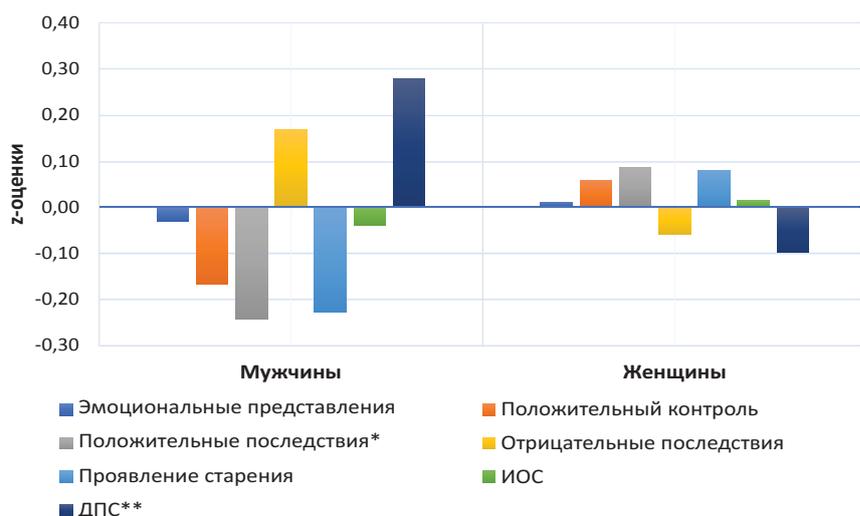

Рис. 1. Средние значения характеристик представления о старении у мужчин и женщин (z-оценки). Условные обозначения: ДПС – параметр «детерминация причин старения»; ИОС – параметр «изменения, обусловленные старением»; ** – уровень статистической значимости $p \leq 0,001$; * – уровень статистической значимости $p \leq 0,05$ (цвет онлайн)

Fig. 1. Average values of the characteristics of the perception of aging in men and women (z-scores). Symbols: DPS (ДПС) – parameter ‘determination of the causes of aging’; IOS (ИОС) – parameter ‘changes caused by aging’; ** – level of statistical significance $p \leq 0.001$; * – level of statistical significance $p \leq 0.05$ (color online)

и считают их обусловленными исключительно данным обстоятельством (показатели «проявления старения» и «изменения, обусловленные старением»). С другой стороны, женщины не исключают и других причин изменений, происходящих в состоянии здоровья, на что указывает снижение показателя «детерминация причин старения» (ДПС). Возможно, такое противоречие может быть связано с тем, что женщины более

реалистично оценивают возможные изменения в состоянии здоровья, а также их связь со старением в части оценки как влияния образа жизни, так и самого периода старения.

Для изучения взаимодействия и влияния главных эффектов факторов «пол» и «возраст» на параметры представления о старении был проведен многофакторный дисперсионный анализ (MANOVA) (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Многомерные критерии проверки влияния факторов «пол», «возраст» и «возраст*пол» на параметры представления о старении
Multidimensional criteria for checking the influence of the factors ‘gender’, ‘age’ and ‘age*gender’ on the parameters of perceiving aging

Параметры представления о старении	Факторы					
	возраст		пол		возраст*пол	
	F	p	F	p	F	p
Эмоциональное представление (негативное)	0,717	0,543	0,018	0,893	0,393	0,758
Положительный контроль	2,359	0,073	2,104	0,148	1,998	0,115
Положительные последствия	5,339	0,001	3,679	0,056	0,934	0,425
Отрицательные последствия	3,949	0,009	1,609	0,206	1,428	0,236
Проявления старения	3,585	0,015	2,650	0,105	0,907	0,438
Изменения, обусловленные старением	4,971	0,002	0,001	0,976	2,173	0,092
Детерминация причин старения	5,142	0,002	11,067	0,001	6,479	0,000

Полученные данные свидетельствуют о том, что фактор «возраст» ($\lambda = 0,693$; $p = 0,000$) оказывает влияние на параметры представле-

ния о старении «положительные последствия» ($F = 5,339$; $p = 0,001$), «отрицательные последствия» ($F = 3,949$; $p = 0,009$), «проявления старе-

ния» ($F = 3,585$; $p = 0,015$), «изменения, обусловленные старением» ($F = 4,971$; $p = 0,002$), «ДПС» ($F = 5,142$; $p = 0,002$), фактор «пол» ($\lambda = 0,903$; $p = 0,004$) влияет на показатели «положительные последствия» ($F = 3,679$; $p = 0,056$) и «ДПС» ($F = 11,067$; $p = 0,001$), а их сочетанное влияние

($\lambda = 0,814$; $p = 0,004$) усиливает различия по параметру «детерминация причин старения» (ДПС) ($F = 11,067$; $p = 0,001$).

Зависимость от возраста и пола выраженности параметров «положительные последствия» и «отрицательные последствия» иллюстрирует рис. 2.

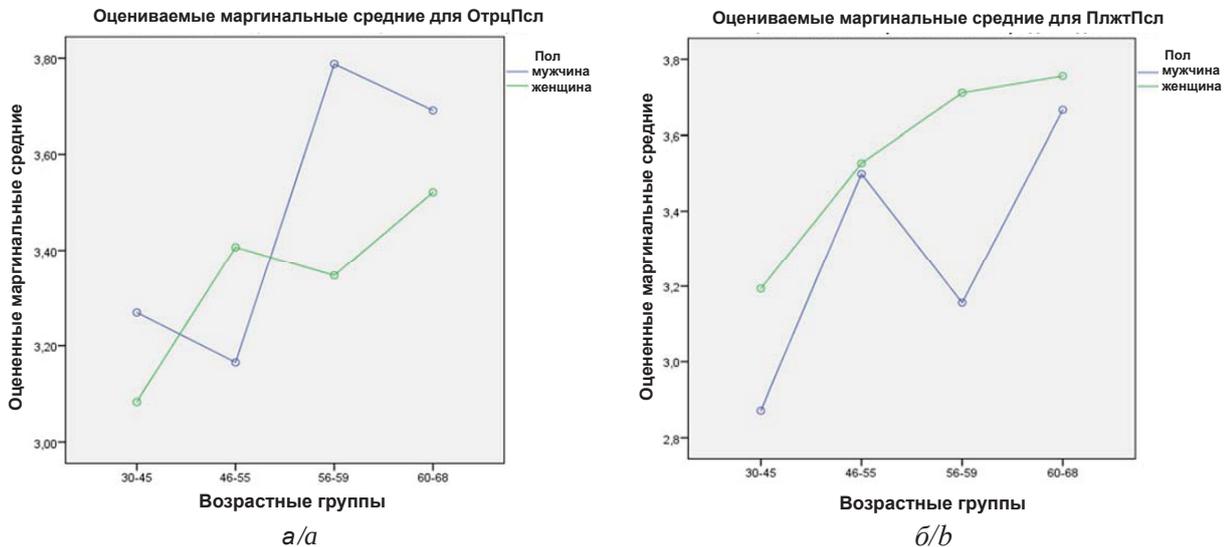

Рис. 2. Выраженность средних значений параметров «отрицательные последствия» (а) и «положительные последствия» (б) в зависимости от возраста и пола (цвет онлайн). Условные обозначения: ПлжтПсл – положительные последствия; ОтрцПсл – отрицательные последствия

Fig. 2. Manifestation of the average values of the parameters 'positive consequences' (a) and 'negative consequences' (b) in the samples of men and women, in relation to the age and gender (color online). Symbols: PlzhtPsl (ПлжтПсл) – positive consequences; OtrcPsl (ОтрцПсл) – negative consequences

У женщин убежденность в положительных последствиях старения плавно возрастает от 30–45 к 60–68 годам. В то же время у мужчин, вероятно, оценка последствий происходит более неравномерно – показатель резко снижается в возрастном диапазоне 56–59 лет, а к 60–68 годам снова резко возрастает. Возможно, снижение в период 56–59 лет обусловлено кризисными проявлениями и представлением о старении в этом возрасте носит для мужчин более негативную модальность. Отметим, что именно параметр «положительные последствия», по данным различных исследований, отражает позитивное восприятие старения [2, 5, 9] (рис. 2, а).

Согласно графику, представленному на рис. 2, б, можно говорить о том, что убежденность в негативных последствиях старения у мужчин также носит более неравномерный характер в сравнении с женщинами. Снижение уровня убежденности в положительных последствиях (совместно с повышением параметра негативных последствий) и показателя «ДПС» у мужчин (рис. 3, а), происходящее на 56–59 лет,

может быть детерминировано кризисом в определенных жизненных сферах (например, кризисом угасания профессиональной деятельности).

На рис. 3, а представлены данные выраженности параметра «детерминация причин старения» в выборках мужчин и женщин.

У мужчин, если сравнивать с женской подвыборкой, каузальная роль старения в жизни возрастает в период 46–55 лет, затем снижается и в возрасте 60–68 лет достигает приблизительно тех же показателей, что и у женщин (критерии эффекта фактора «возраст*пол»: $\lambda = 0,814$, $p = 0,004$; $F = 6,479$, $p = 0,000$). Вероятно, подобные результаты могут иметь компенсаторный механизм, так как одновременно с повышением каузальной роли старения возрастает и склонность замечать его позитивные последствия, а негативные последствия старения отрицаются. В то же время при высоких значениях параметра «детерминация причин старения» создается база для восприятия возрастных стереотипов в отношении здоровья.

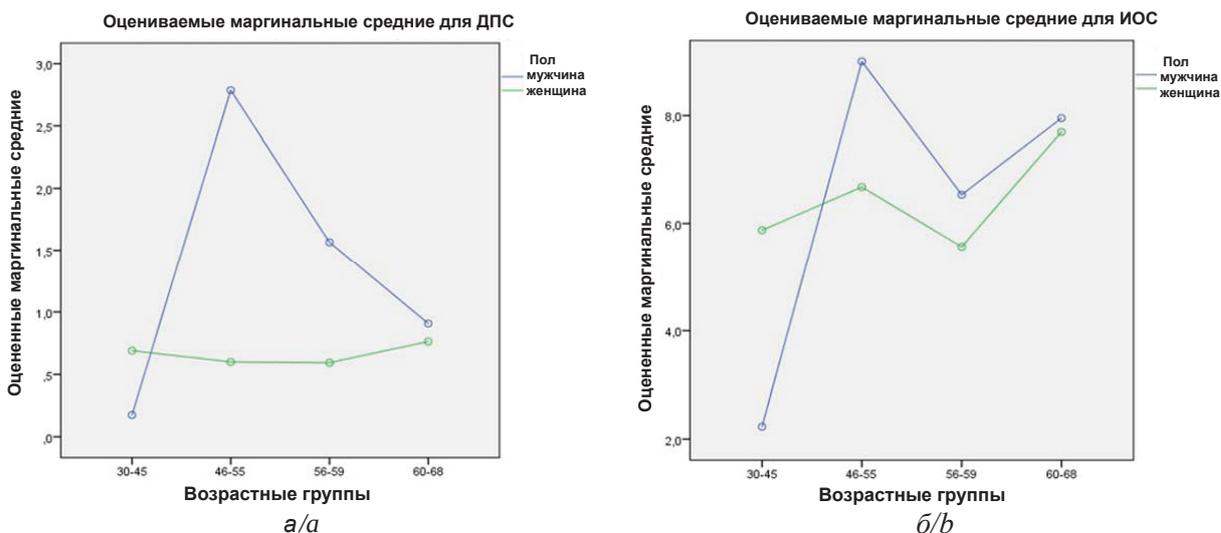

Рис. 3. Выраженность средних значений параметров «детерминация причин старения» (а) и «изменения, обусловленные старением» (б) в зависимости от возраста и пола (цвет онлайн). Условные обозначения: ДПС – детерминация причин старения; ИОС – изменения, обусловленные старением

Fig. 3. Manifestation of the average values of the parameter 'determination of the causes of aging' (a) and 'changes caused by aging' (b) in relation to the age and gender (color online). Symbols: DPS (ДПС) – determination of the causes of aging; IOS (ИОС) – changes caused by aging

Выраженность параметра «изменения, обусловленные старением» иллюстрирует рис. 3, б.

Сравнение данных мужской и женской подвыборок показало, что для мужчин в большей мере характерно обуславливать изменение состояния здоровья исключительно фактором старения. Вероятно, в 30–45 лет мужчины отрицают любую связь изменения здоровья и старения, а в 46–55 лет убежденность в причинной обусловленности изменений в состоянии здоровья фактором старения резко возрастает (критерии эффекта фактора «возраст»: $\lambda = 0,693$, $p = 0,000$; $F = 4,971$, $p = 0,002$). Подобная тенденция может быть обусловлена приверженностью возрастным стереотипам о здоровье и, вероятно, носить характер психологической защиты в ответ на страх старения. Можно предположить, что именно этот механизм нуждается в коррекции при формировании более позитивного представления о старении, поскольку, согласно исследованиям, негативные стереотипные убеждения о старении реализуются в долгосрочной перспективе [19, 20]. Таким образом, когда человек убежден в том, что старение является главной причиной ухудшения его здоровья, его стереотипные убеждения о старении со временем становятся саморелевантными [7, 18, 26], а это, в свою очередь, может давать основания для формирования более негативного восприятия старения, блокировать осознанное планирование старения [27] и, следовательно, способствовать снижению качества жизни в долгосрочной перспективе.

В качестве одного из ограничений нашего исследования можно отметить неравномерное распределение мужчин как в выборке, так и в возрастных группах. В этой связи для тестирования выявленных эффектов был применен метод Bootstrap для 1000 образцов. Эффекты факторов возраста и пола подтвердились. Проверка выраженности средних значений в возрастных группах по полу (с помощью метода Bootstrap) подтвердила обнаруженную в нашем исследовании тенденцию.

Выводы

В ходе изучения представления о старении у мужчин и женщин нами было показано, что в жизни мужчин каузальная роль старения проявляется в большей степени, нежели у женщин. Такой вывод базируется на основании обнаруженных различий по параметру «детерминация причин старения» с большей выраженностью в группе мужчин.

Выявлены особенности представления о старении, характерные для мужчин и женщин, проявляющиеся в эмоциональном отношении к старению, различиях относительно убежденности в способности контролировать жизнь в пожилом возрасте и последствия старения, детерминирующей роли старения в жизни личности. В частности, для мужчин характерна убежденность в негативных последствиях старения и трудности контроля событий собствен-

ной жизни в пожилом возрасте, в то время как женщины смотрят в будущее оптимистичнее, однако негативно воспринимают старение в эмоциональном аспекте. Несмотря на отрицание связи между собственным состоянием и старением, изменение состояния здоровья мужчины может обуславливать именно старение, что также подтверждает его детерминирующую роль в жизни представителей мужского пола. Женщины более склонны видеть связь между состоянием здоровья и старением, при этом показатель каузальной роли старения для них значительно ниже.

Изучение параметров представления о старении в связи с полом и возрастом показало, что представление о старении в период средней и поздней зрелости у мужчин и женщин имеет свои особенности. На основании полученных данных можно предположить, что как для мужчин, так и для женщин склонность видеть как позитивные, так и негативные последствия старения возрастает от средней к поздней зрелости, но у мужчин этот процесс происходит менее равномерно. Также показатели изменений, обусловленных старением, и детерминации причин старения у женщин в сравнении с мужской подвыборкой не имеют таких значительных колебаний в разных возрастных группах.

Полученные результаты могут свидетельствовать о подтверждении высказанной гипотезы, так как указывают на то, что представление о старении для мужской и женской подвыборок имеет специфику, которая проявляется в разном эмоциональном отношении к старению, а также в разном представлении о роли старения в изменениях, связанных со здоровьем.

Прикладное значение данных представленного исследования заключается в том, что полученные результаты можно использовать в ходе психологического консультирования для формирования позитивного представления о старении – это может способствовать повышению качества жизни пожилого человека. Результаты позволяют дифференцированно подойти к вопросам конструирования продуктивной старости у мужчин и женщин, которое необходимо начинать с учетом наших данных на более ранних этапах ранней и средней зрелости.

В качестве возможных ограничений нашего исследования можно выделить неравное распределение участников исследования по региону проживания, семейному положению в выделенных группах, а также их внутригрупповое соотношение.

Библиографический список

1. Levy B. R., Myers L. M. Preventive health behaviors influenced by self-perceptions of aging // *Preventive Medicine*. 2004. Vol. 39, iss. 3. P. 625–629. <https://doi.org/10.1016/j.ypmed.2004.02.029>
2. Ingrand I., Paccalin M., Liuu E., Gil R., Ingrand P. Positive perception of aging is a key predictor of quality-of-life in aging people // *PLoS One*. 2018. Vol. 13, iss. 10. Article number e0204044. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0204044>
3. Liu Yi., Duan Ya., Xu L. Volunteer service and positive attitudes toward aging among Chinese older adults: The mediating role of health // *Social Science & Medicine*. 2020. Vol. 265, iss. 5. Article number 113535. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2020.113535>
4. De Paula Couto M. C. P., Ekerdt D. J., Fung H. H., Hess T. M., Rothermund K. What will you do with all that time? Changes in leisure activities after retirement are determined by age-related self-views and preparation // *Acta Psychologica*. 2022. Vol. 231. Article number 103795. <https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2022.103795>
5. Barker M., O'Hanlon A., McGee H. M., Hickey A., Conroy R. M. Cross-sectional validation of the aging perceptions questionnaire: A multidimensional instrument for assessing self-perceptions of aging // *BMC Geriatrics*. 2007. Vol. 7, iss. 9. Article number 9. <https://doi.org/10.1186/1471-2318-7-9>
6. Slotman A., Cramm J. M., Nieboer A. P. Validation of the aging perceptions questionnaire short on a sample of community-dwelling Turkish elderly migrants // *Health Qual Life Outcomes*. 2017. Vol. 15, iss. 1. Article number 42. <https://doi.org/10.1186/s12955-017-0619-7>
7. Tully-Wilson C., Bojack R., Milliar P. M., Stallman H. M., Allen A., Mason J. Self-perceptions of ageing: A systematic review of longitudinal studies // *Psychology and Aging*. 2021. Vol. 36, iss. 7. P. 773–789. <https://doi.org/10.1037/pag0000638>
8. Sexton E., King-Kallimanis B. L., Morgan K., McGee H. Development of the Brief Ageing Perceptions Questionnaire (B-APQ): A confirmatory factor analysis approach to item reduction // *BMC Geriatrics*. 2014. Vol. 14, iss. 1. Article number 44. <https://doi.org/10.1186/1471-2318-14-44>
9. Cramm J. M., Nieboer A. P. Positive ageing perceptions among migrant Turkish and native Dutch older people: A matter of culture or resources? // *BMC Geriatrics*. 2017. Vol. 17, iss. 1. Article number 159. <https://doi.org/10.1186/s12877-017-0549-6>
10. Jing Ch., Kangjia Zh., Weihai X., Qi W., Zongqing L., Yutong Zh. Does inside equal outside? Relations between older adults' implicit and explicit aging attitudes and self-esteem // *Frontiers in Psychology*. 2018. Vol. 9. Article number 2313. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.02313>
11. Swift H., Steeden B. Exploring Representations of Old Age and Ageing: Literature Review. London, England : Center for Ageing Better, 2020. 64 p.

12. Diehl M., Wahl H., Barrett A. E., Brothers A. F., Miche M., Montepare J. M., Westerhof G. J., Wurm S. Awareness of aging: Theoretical considerations on an emerging concept // *Developmental Review*. 2014. Vol. 34, iss. 2. P. 93–113. <https://doi.org/10.1016/j.dr.2014.01.001>
13. Diehl M., Wettstein M., Spuling S. M., Wurm S. Age-related change in self-perceptions of aging: Longitudinal trajectories and predictors of change // *Psychology and Aging*. 2021. Vol. 36, iss. 3. P. 344–359. <https://doi.org/10.1037/pag0000585>
14. Стрижицкая О. Ю., Петраш М. Д. Конструирование продуктивной старости: биологические, психологические и средовые факторы // *Консультативная психология и психотерапия*. 2022. Т. 30, № 1. С. 8–28. <https://doi.org/10.17759/cpp.2022300102>
15. Levy B. R., Slade M. D., Kasl S. V. Longitudinal benefit of positive self-perceptions of aging on functional health // *The Journals of Gerontology: Series B*. 2002. Vol. 57, iss. 5. P. 409–417. <https://doi.org/10.1093/geronb/57.5.P409>
16. Diehl M., Wahl H. Awareness of age-related change: Examination of a (mostly) unexplored concept // *The Journals of Gerontology*. 2010. Vol. 65B, iss. 3. P. 340–350. <https://doi.org/10.1093/geronb/gbp110>
17. Henry J. D., Coundouris S. P., Craik F. I. M., von Hippel C., Grainger S. A. The cognitive tenacity of self-directed ageism // *Trends in Cognitive Sciences*. 2023. Vol. 27, iss. 8. P. 713–725. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2023.03.010>
18. Robertson D. A., Savva G. M., King-Kallimanis B. L., Kenny R. A. Negative perceptions of aging and decline in walking speed: A self-fulfilling prophecy // *PLoS ONE*. 2015. Vol. 10, iss. 4. Article number e0123260. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0123260>
19. Kornadt A. E. Do age stereotypes as social role expectations for older adults influence personality development? // *Journal of Research in Personality*. 2016. Vol. 60. P. 51–55. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2015.11.005>
20. Deshayes M., Clément-Guillotin C., Chorin F., Guérin O., Zory R. «Not performing worse but feeling older» the negative effect of the induction of a negative aging stereotype // *Psychology of Sport and Exercise*. 2020. Vol. 51, iss. 3-4. Article number 101793. <https://doi.org/j.psychsport.2020.101793>
21. Barber S. J. The applied implications of age-based stereotype threat for older adults // *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*. 2020. Vol. 9, iss. 3. P. 274–285. <https://doi.org/10.1016/j.jarmac.2020.05.002>
22. Kornadt A. E., Rothermund K. Contexts of aging: Assessing evaluative age stereotypes in different life domains // *The Journals of Gerontology: Series B*. 2011. Vol. 66B, iss. 5. P. 547–556. <https://doi.org/10.1093/geronb/gbr036>
23. Wang K., Gu D. Reciprocal associations between social media use and self-perception of aging among older adults: Do men and women differ? // *Social Science & Medicine*. 2023. Vol. 321, iss. 3. Article number 115786. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2023.115786>
24. Мякотных В. С., Березина Д. А., Сиденкова А. П., Боровкова Т. А., Гаврилов И. В. Некоторые медико-психологические особенности процесса старения женщин // *Вестник Уральской медицинской академической науки*. 2014. № 1. С. 75–78. EDN: SDUPXP
25. Мякотных В. С., Емельянов В. В., Гаврилов И. В., Ермакова Е. Ю., Соловьёв Р. В., Боровкова Т. А., Катырева Ю. Е., Березина Д. А., Торгашов М. Н., Мякотных К. В. Возрастные и половые аспекты состояния липидного спектра и стресс-реализующих систем человеческого организма в процессе старения // *Успехи геронтологии*. 2015. Т. 28, № 4. С. 718–724. EDN: VLKHPF
26. Wurm S., Warner L. M., Ziegelmann J. P., Wolff J. K., Schüz B. How do negative self-perceptions of aging become a self-fulfilling prophecy? // *Psychology and Aging*. 2013. Vol. 28, iss. 4. P. 1088–1097. <https://doi.org/10.1037/a0032845>
27. Стрижицкая О. Ю., Петраш М. Д. Планирование будущего в контексте стратегий формирования старения // *Мир педагогики и психологии*. 2022. № 12 (77). С. 213–225. EDN: ENYETE

References

1. Levy B. R., Myers L. M. Preventive health behaviors influenced by self-perceptions of aging. *Preventive Medicine*, 2004, vol. 39, iss. 3, pp. 625–629. <https://doi.org/10.1016/j.ypmed.2004.02.029>
2. Ingrand I., Paccalin M., Liuu E., Gil R., Ingrand P. Positive perception of aging is a key predictor of quality-of-life in aging people. *PLoS ONE*, 2018, vol. 13, iss. 10, article number e0204044. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0204044>
3. Liu Yi., Duan Ya., Xu L. Volunteer service and positive attitudes toward aging among Chinese older adults: The mediating role of health. *Social Science & Medicine*, 2020, vol. 265, iss. 5, article number 113535. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2020.113535>
4. De Paula Couto M. C. P., Ekerdt D. J., Fung H. H., Hess T. M., Rothermund K. What will you do with all that time? Changes in leisure activities after retirement are determined by age-related self-views and preparation. *Acta Psychologica*, 2022, vol. 231, article number 103795. <https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2022.103795>
5. Barker M., O'Hanlon A., McGee H. M., Hickey A., Conroy R. M. Cross-sectional validation of the aging perceptions questionnaire: A multidimensional instrument for assessing self-perceptions of aging. *BMC Geriatrics*, 2007, vol. 7, no. 9, article number 9. <https://doi.org/10.1186/1471-2318-7-9>
6. Slotman A., Cramm J. M., Nieboer A. P. Validation of the Aging Perceptions Questionnaire Short on a sample of community-dwelling Turkish elderly migrants. *Health Qual Life Outcomes*, 2017, vol. 15, iss. 1, article number 42. <https://doi.org/10.1186/s12955-017-0619-7>
7. Tully-Wilson C., Bojack R., Milliar P. M., Stallman H. M., Allen A., Mason J. Self-perceptions of ageing: A sys-

- tematic review of longitudinal studies. *Psychology and Aging*, 2021, vol. 36, iss. 7, pp. 773–789. <https://doi.org/10.1037/pag0000638>
8. Sexton E., King-Kallimanis B. L., Morgan K., McGee H. Development of the Brief Ageing Perceptions Questionnaire (B-APQ): A confirmatory factor analysis approach to item reduction. *BMC Geriatrics*, 2014, vol. 14, iss. 1, article number 44. <https://doi.org/10.1186/1471-2318-14-44>
  9. Cramm J. M., Nieboer A. P. Positive ageing perceptions among migrant Turkish and native Dutch older people: A matter of culture or resources? *BMC Geriatrics*, 2017, vol. 17, iss. 1, article number 159. <https://doi.org/10.1186/s12877-017-0549-6>
  10. Jing Ch., Kangjia Zh., Weihai X., Qi W., Zongqing L., Yutong Zh. Does inside equal outside? Relations between older adults' implicit and explicit aging attitudes and self-esteem. *Frontiers in Psychology*, 2018, vol. 9, article number 2313. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.02313>
  11. Swift H., Steeden B. *Exploring Representations of Old Age and Ageing: Literature Review*. London, England, Center for Ageing Better, 2020. 64 p.
  12. Diehl M., Wahl H., Barrett A. E., Brothers A. F., Miche M., Montepare J. M., Westerhof G. J., Wurm S. Awareness of aging: Theoretical considerations on an emerging concept. *Developmental Review*, 2014, vol. 34, iss. 2, pp. 93–113. <https://doi.org/10.1016/j.dr.2014.01.001>
  13. Diehl M., Wettstein M., Spuling S. M., Wurm S. Age-related change in self-perceptions of aging: Longitudinal trajectories and predictors of change. *Psychology and Aging*, 2021, vol. 36, iss. 3, pp. 344–359. <https://doi.org/10.1037/pag0000585>
  14. Strizhitskaya O. Yu., Petrash M. D. Construction of productive ageing: biological, psychological and environmental factors. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2022, vol. 30, no. 1, pp. 8–28 (in Russian). <https://doi.org/10.17759/cpp.2022300102>
  15. Levy B. R., Slade M. D., Kasl S. V. Longitudinal Benefit of Positive Self-Perceptions of Aging on Functional Health. *The Journals of Gerontology: Series B*, 2002, vol. 57, iss. 5, pp. 409–417. <https://doi.org/10.1093/geronb/57.5.P409>
  16. Diehl M., Wahl H. Awareness of age-related change: Examination of a (mostly) unexplored concept. *The Journals of Gerontology: Series B*, 2010, vol. 65B, iss. 3, pp. 340–350. <https://doi.org/10.1093/geronb/gbp110>
  17. Henry J. D., Coundouris S. P., Craik F. I. M., von Hippel C., Grainger S. A. The cognitive tenacity of self-directed ageism. *Trends in Cognitive Sciences*, 2023, vol. 27, iss. 8, pp. 713–725. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2023.03.010>
  18. Robertson D. A., Savva G. M., King-Kallimanis B. L., Kenny R. A. Negative perceptions of aging and decline in walking speed: A self-fulfilling prophecy. *PLoS One*, 2015, vol. 10, iss. 4, article number e0123260. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0123260>
  19. Kornadt A. E. Do age stereotypes as social role expectations for older adults influence personality development? *Journal of Research in Personality*, 2016, vol. 60, pp. 51–55. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2015.11.005>
  20. Deshayes M., Clément-Guillotin C., Chorin F., Guérin O., Zory R. «Not performing worse but feeling older» the negative effect of the induction of a negative aging stereotype. *Psychology of Sport and Exercise*, 2020, vol. 51, iss. 3-4, article number 101793. <https://doi.org/jpsychsport.2020.101793>
  21. Barber S. J. The applied implications of age-based stereotype threat for older adults. *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*, 2020, vol. 9, iss. 3, pp. 274–285. <https://doi.org/10.1016/j.jarmac.2020.05.002>
  22. Kornadt A. E., Rothermund K. Contexts of aging: Assessing evaluative age stereotypes in different life domains. *The Journals of Gerontology: Series B*, 2011, vol. 66B, iss. 5, pp. 547–556. <https://doi.org/10.1093/geronb/gbr036>
  23. Wang K., Gu D. Reciprocal associations between social media use and self-perception of aging among older adults: Do men and women differ? *Social Science & Medicine*, 2023, vol. 321, iss. 3, article number 115786. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2023.115786>
  24. Myakotnykh V. S., Berezina D. A., Sidenkova A. P., Borovkova T. A., Gavrilov I. V. Some medical and psychological peculiarities of the process aging women. *Bulletin of Ural Medical Academic Science*, 2014, no. 1, pp. 75–78 (in Russian). EDN: SDUPXP
  25. Myakotnykh V. S., Emelyanov V. V., Gavrilov V. I., Ermakova E. Y., Soloviev R. V., Borovkova T. A., Katyreva Y. E., Berezina D. A., Torgashov M. N., Myakotnykh K. V. Age and gender aspects of the status of lipid profile and stress-realizing systems of the human body in the aging process. *Advances in Gerontology*, 2015, vol. 28, no. 4, pp. 718–724 (in Russian). EDN: VLKHPF
  26. Wurm S., Warner L. M., Ziegelmann J. P., Wolff J. K., Schüz B. How do negative self-perceptions of aging become a self-fulfilling prophecy? *Psychology and Aging*, 2013, vol. 28, iss. 4, pp. 1088–1097. <https://doi.org/10.1037/a0032845>
  27. Strizhitskaya O. Yu., Petrash M. D. Planning for the future in the context of aging shaping strategies. *The World of Pedagogy and Psychology*, 2022, no. 12 (77), pp. 213–225 (in Russian). EDN: ENYETE

Поступила в редакцию 07.10.2023; одобрена после рецензирования 25.11.2023; принята к публикации 15.12.2023
The article was submitted 07.10.2023; approved after reviewing 25.11.2023; accepted for publication 15.12.2023